УДК 801.5

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н.С. Жукова

Томский государственный педагогический университет
E-mail: svolkov@mail.tomsknet.ru

Показаны типологические особенности в морфологии глагола современного немецкого языка, а именно: явление синкретизма, системная избыточность, отраженные категории и существование синтоморфологии. Они выявляются при сопоставлении морфологической подсистемы современного немецкого языка с соответствующими подсистемами русского и английского языков и служат показателями аналитических тенденций в его системе, отражая на синхронном срезе постепенный переход ряда функций от морфологии к синтаксису.

Проблемы языковых изменений, изменений типа языка и, соответственно, грамматической системы интересовали и интересуют исследователей различных направлений как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Начиная примерно с 1970 г. вопросы эволюции грамматической системы и, в частности, вопросы грамматикализации лексических единиц снова становятся актуальными в мировой лингвистике, и встаёт вопрос о создании теории грамматикализации, ключевой вехой в становлении которой является выход монографии немецкого лингвиста К. Лемана [1], а также работ П. Хоппера и Э. Трогогтт [2, 3]. Возрождение интереса к этим вопросам связано с ростом интереса к диахронической проблематике и с развитием лингвистической типологии.

Однако не все лингвисты понимают процесс грамматикализации как эволюцию лексических единиц или конструкций с определённым лексическим наполнением, многие рассматривают грамматикализацию в более широком контексте [4], когда «в центре внимания находятся описание грамматических изменений и тех следствий, которое они имеют для лучшего понимания использования языка» [5].

В данной статье рассматриваются изменения в грамматической системе немецкого языка, и в частности, изменения, ведущие к изменению отношений между морфологией и синтаксисом, а, следовательно, к изменению типа языка. Следы подобного рода изменений находят своё отражение и на синхронном срезе языка в существовании в его системе типологически значимых явлений, которые наиболее заметны при сопоставлении современного состояния языка с его более ранними историческими состояниями, а также с другими языковыми системами.

Именно сопоставление позволяет выявить те особенности языковых систем, которые как бы «ускользают» при их отдельном рассмотрении. Сопоставление глагольной подсистемы современного немецкого языка с соответствующими подсистемами русского и английского языков и с состоянием этих подсистем в древний период развития языка даёт возможность показать типологические особенности морфологии современного немецкого языка, что представляется немаловажным, так как эти особенности в определенной степени объясняют ряд спорных моментов, возникающих при описании его морфологической парадигмы.

Известно, что среди лингвистов нет единства мнений относительно состава морфологических категорий и их членения. Можно привести немало примеров, когда исследователи по-разному интерпретируют одни и те же факты того же самого языка. Это имеет место как при описании именной, так и при описании глагольной парадигмы в различных языках. Известны, например, разногласия относительно количества падежей в русском склонении: в одних описаниях выделяется шесть, в других – восемь падежей. Как показал анализ подобных спорных случаев, основные разногласия имеют место, когда часть слов различает большее число словоформ, чем остальная. В подобных ситуациях применяют либо дифференцирующий, либо унифицирующий метод описания морфологических категорий. О вариантах описания см. [6].

В соответствии с дифференцирующим методом допускается, что отдельные морфологические категории могут быть представлены в языке несколькими парадигмами, содержащими различное количество словоформ. Это, в свою очередь, связано с признанием существования в парадигме с меньшим числом словоформ синкретичных форм и отрицанием явления омонимии. Когда же состав парадигмы одного подкласса определяется по аналогии с парадигмой другого подкласса, содержащего большее число форм, то, естественно, в описание вводятся омонимы. То есть проблема выбора метода связана с проблемой разграничения омонимии и синкретизма. О разграничении синкретизма и омонимии см. [7].

Унифицирующий метод описания морфологических категорий распространен при трактовке парадигмы английского глагола. Согласно унифицирующему методу число словоформ в парадигме всех английских глаголов считается равным количеству форм парадигмы глагола *to be*, так как одна фонетическая форма регулярного глагола рассматривается как ряд омонимов [8].

Однако, едва ли не общепризнанной является точка зрения на тождественные формы в микропарадигме глагола современного немецкого языка как на омонимичные. Представляется целесообразным применение дифференцирующего метода при описании морфологических категорий не только английского, но и современного немецкого языка, так как применение унифицирующего метода описания заслоняет перспективу развития языковой системы. Дифференцирующий метод, согласно которому отдельные морфологические категории могут быть представлены одновременно несколькими парадигмами, содержащими различное количество словоформ, позволяет показать в соответствии с онтологией языковой системы постепенность языковых изменений, так как выделяет соответствующие подклассы, в существовании которых на синхронном срезе отражаются определенные морфологические изменения. Применение унифицирующего метода как бы «затемняет» те изменения, которые происходили и происходят в системе языка. В частности остается в «тени» определенный сдвиг в способе передачи ряда значений от морфологических средств к синтаксическим. Этот процесс уже завершен в английском языке, и современный английский язык относится к аналитическому типу. В современном немецком языке как раз происходит передача ряда функций от морфологических средств к синтаксическим, то есть имеет место изменение отношений между синтаксическим и морфологическим уровнями, что свидетельствует о тенденции к изоляции[1] в системе современного немецкого языка. Ср. в этой связи систему современного русского языка, где соответствующие значения выражаются на уровне морфологии.

Рассмотрим, например, выражение значений лица и числа глагола в современном русском, английском и немецком языках. В современном русском языке значения лица и числа выражаются самой формой слова, так как в его системе существуют морфологические категории лица и числа. Ср.: (***Я***) *читаю книгу*. При употреблении в предложении и подлежащего, и сказуемого значения лица и числа оказываются выражены дважды: морфологически и синтаксически, то есть выражение значений лица и числа характеризуется избыточностью. Однако эта избыточность возникает не всегда, когда надо выразить значение лица и числа, так как двусоставнсть предложения не является в современном русском языке обязательной. (Ср.: *Сижу и читаю*. ***Я*** *сплю, а* ***они*** *кричат*). Она появляется при функционировании личной формы глагола в определенном окружении, зависит от коммуникативных намерений говорящего и может быть названа «функциональной» (или речевой) избыточностъю.

Ср. систему современного английского языка, для которой характерно завершение процесса передачи определенных функций от морфологии к синтаксису, т. е. завершение процесса аналитизма. Выражение значений лица и числа в современном английском языке происходит только синтаксически, например, ***I*** *read a book* (исключение – 3-е лицо единственного числа настоящего времени).

В отличие от русского языка для системы современного немецкого языка, также как и для английского языка, характерна обязательная двусоставность предложения. Поэтому лицо и число глагола в большинстве случаев выражается и морфологически, и синтаксически в структуре предложения через подлежащее. Ср.: ***Ich*** *lese ein Buch*.

В современном немецком языке существуют синтаксические парадигмы лица и числа [10]. Одним из требований при выделении словоизменительной парадигмы является ее облигаторность. Это обеспечивает регулярность использования соответствующей морфологической категории. «Условием определения парадигмы предложения является сохранение единых принципов выделения парадигм на уровне морфологии и синтаксиса» [11. С. 99]. Тогда использование в синтаксисе указанного выше принципа выделения морфологической категории предполагает, что и синтаксическая парадигма может быть установлена только в случае облигаторности синтаксических средств выражения соответствующих значений. Личное местоимение в германских языках выполняет в предложении (в позиции при глагольной форме) синтаксическую функцию подлежащего, и ее обязательное употребление связано именно с этой синтаксической функцией, как одного из главных членов предложения, то есть отношение к лицу и числу выражается синтаксически – соотнесенностью глагола сказуемого с определенным подлежащим – личным местоимением. Сочетание личного местоимения с глагольной формой рассматривается как предикативное сочетание. В современном немецком языке предикативное сочетание ***S+P*** имеет обязательный двухкомпонентный состав в отличие от русского языка, в котором употребление подлежащего факультативно, и возможны односоставные конструкции: (***S***)+***P***. Изменение предикативного сочетания по лицам и числам образует синтаксическую парадигму лица и числа.

Все это дает возможность заключить, что в современном немецком языке значения морфологических категорий лица и числа носят избыточный характер, так как соответствующие значения выражаются и синтаксически. Например: ***Ich*** *frage*. ***Du*** *fragst*. ***Er*** *fragt*. Эта избыточность проявляется независимо от коммуникативных намерений говорящего (ср. с приведёнными выше примерами «функциональной» избыточности), так как она наблюдается всегда, когда надо выразить значение лица и числа. Следовательно, она возникает не в

[1] «Невыраженность отношений между словами в самих словах есть признак изоляции, чем выше степень изоляции, тем выше аналитичность языка» [9. С. 83–84].

процессе функционирования языковой системы, а уже «заложена» в системе языка и проявляется при ее употреблении. Такая избыточность может быть названа «системной» избыточностью. Она принадлежит языковой системе и отражает типологические особенности этой системы. В современном немецком языке «системная» избыточность обусловлена сосуществованием в его системе двух категорий (синтаксической и морфологической) для выражения тех же самых значений и отражает изменения, происходящие в системе языка, а именно: сдвиг в передаче соответствующих значений от морфологических средств к синтаксическим. Этот процесс, естественно, носит постепенный характер, так как язык должен постоянно выполнять свою функцию как средство общения. Поэтому какое-то время подобное сосуществование синтаксической и морфологической категорий, а, следовательно, «системной» избыточности неизбежно. Подробно о видах, функциях и роли избыточности в системе языка см. [12].

Переход ряда функций от морфологии к синтаксису наряду с постепенностью, характеризуется настолько тесным взаимодействием синтаксического и морфологического уровней, настолько тесным их переплетением при выражении определенных значений, что представляется уместным ставить вопрос о синтоморфологии. О необходимости выделения синтоморфологии см. [13].

В подобном межуровневом взаимодействии, позволяющем говорить о синтоморфологии, отражаются на синхронном срезе те изменения, которые происходят в языковой системе современного немецкого языка. Следовательно, выделение синтоморфологии представляется важным не только для диахронического описания языковой системы, но и для описания ее синхронного состояния.

При синхронном описании в области синтоморфологии следует рассматривать те морфологические явления, которые непосредственно включены в синтаксическую систему, для которых синтаксическая функция вторична или даже первична [14]. При таком понимании синтоморфологии к ней могут быть отнесены отраженные категории[2], морфологические формы которых вплетены в соответствующие синтаксические структуры и являются с точки зрения коммуникативной функции языка избыточными. Функциональная значимость данных категорий проявляется именно на синтаксическом уровне. В системе современного немецкого языка к таким морфологическим категориям относятся категории волеизьявления/не-волеизъявления [15], косвенности/некосвенности [7], категория лица и числа [10], которые функционируют на фоне аналогичных синтаксических категорий. Синтаксические конструкции, включающие в себя словоформы избыточных морфологических категорий, представляют собой синтаксические формы соответствующих синтаксических категорий. О синтаксической форме см. [16. С. 6].

Например, противопоставленные синтаксические формы выражения косвенной и прямой речи можно обозначить следующим образом: ***S – P* [*глагол говорения*], *dass S* (*местоимение*) *... – P* [*глагол в комментативе*] */ S – P* [*глагол в индикативе*].** Изменение данных синтаксических конструкций косвенной и прямой речи по лицам, числам и временам образует синтаксическую парадигму категории вида речи. Аналогично, противопоставленные повествовательные ***S – P* [*глагол в индикативе*]** и побудительные ***P* [*глагол в императиве или в индикативе*] *–* (*S*)** синтаксические конструкции, выражающие не-волеизъявление и, соответственно, волеизъявление, образуют синтаксическую парадигму категории волеизъявления /не-волеизъявления.

Отраженные морфологические категории – избыточные в языковой системе – являются типологической особенностью морфологической подсистемы современного немецкого языка, которая нехарактерна для морфологии современного русского и английского языков. Так, в современном русском языке морфологические категории лица и числа не являются отраженными. Аналогично, в системе древневерхненемецкого языка значение этих категорий не были отражёнными и, соответственно, избыточными. Таковыми они становятся по мере развития в системе немецкого языка синтаксических средств и перехода к ним соответствующих функций от единиц морфологического уровня. В древневерхненемецком языке не была обязательной двусоставность предложения, и выражение значений лица и числа не характеризовалось «системной» избыточностью. При употреблении в предложении и подлежащего, и сказуемого возникала функциональная избыточность (как в системе современного русского языка), которая по мере развития языка и закрепления нормой обязательной двусоставности предложения перешла в «системную». Другими словами, между «функциональной» и «системной» избыточностью нет резкой границы, а возможен их взаимопереход, который сопровождается изменением характера значения соответствующей морфологической категории. В отличие от древневерхненемецкого периода значения категорий лица и числа становятся отраженными, а сами морфологические категории – избыточными.

«Системная» избыточность имеет самое непосредственное отношение к синтоморфологии, так как характеризует категории, принадлежащие этой области взаимодействия синтаксического и морфологического уровней. В том случае, когда соответствующее грамматическое значение выражается синтаксической структурой, включающей в себя наряду с собственно синтаксическими средствами также

[2] Отраженные категории – «это категории, лишенные собственного референтного содержания и сигнализирующие лишь о синтаксической соотнесенности элементов предложения» [17. С. 27].

средства словоизменения (что имеет место в современном немецком языке при выражении значений лица и числа глагола, волеизъявления и т. д.), речь идёт о сложном синтаксическом маркере, который подобен сложному маркеру словоформы, «включающему в себя внутреннюю флексию» [14. С. 87]. Ср.: ***Ich** gehe. **Du** fra**gst**; das Buch – die B**ü**ch**er**.*

Рассмотренное системное дублирование в выражении определенных значений не может оставаться постоянным. Преодоление «сисистемной» избыточности означает завершение процесса передачи ряда функций от морфологии к синтаксису. В системе современного английского языка выражение значений лица и числа происходит практически только синтаксическими средствами. Морфологическая парадигма как таковая в современном английском языке отсутствует. Сохранилась лишь одна форма, обозначающая третье лицо единственного числа. Остальные члены парадигмы совпали с исходной базисной формой слова в процессе отмирания морфологической категории лица и числа. Таким образом, выражение значений лица и числа в английском языке в отличие от немецкого языка не характеризуется «системной» избыточностью.

Преодоление этой избыточности происходит в отдельных случаях и в системе современного немецкого языка. Это – случаи синкретизма. «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различения соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития» [14. С. 21]. Так, например, категориальное значение синкретичной формы *komm**en*** (*wir*, *sie*) не-второе лицо множественного числа шире значений соответствующих несинкретичных форм: *komm**e*** (*ich*), *komm**t*** (*er*). Именно это более широкое значение выражается морфологически. Дифференциация между первым и третьим лицом множественного числа презенса происходит на уровне синтаксиса, поэтому в данном случае не наблюдается избыточности, которая неизбежно проявляется при употреблении несинкретичных форм. В самом факте существования синкретичных форм отражается постепенный характер преодоления этой избыточности и проявляется типологическая значимость соответствующих морфологических категорий глагола современного немецкого языка. Отмеченная типологическая особенность выявляется при сопоставлении системы современного немецкого языка с древневерхненемецким. Так, например, значения первого и третьего лица множественного числа настоящего времени в древненемецком четко выражались самой словоформой. Ср.:

Древневерхненемецкий	Современный немецкий
1-е лицо мн. ч. *bint – a – **mes***	*bind**en*** (*wir*, *sie*) не-второе лицо мн. ч.
3-е лицо мн. ч. *bint – a – **nt***	

Аналогично, значение лица и числа четко выражены на уровне морфологии в современном русском языке:

ид**у**	ид**ём**
ид**ёшь**	ид**ёте**
ид**ёт**	ид**ут**

Ср. в современном английском языке: (*I*, *you*, *we*, *they*) ***go*** – (*he*, *she*) *go**es***.

Дифференцирующий метод описания морфологических категорий в современной германистике был применен при описании глагольных категорий: категории наклонения [14], лица и числа [10]. Представляется плодотворным применение дифференцирующего метода и при описании имени, так как типологические особенности, характеризующие глагольную подсистему современного немецкого языка, наблюдаются и в подсистеме имени. Показательно, что в именной подсистеме современного немецкого языка явление синкретизма еще более распространено, чем в глагольной. С рассмотренных в данной статье теоретических позиций была описана только подсистема имени прилагательного [18].

Анализ категорий имени прилагательного, так же как и категорий глагола показывает, что вопрос о принадлежности грамматических категорий к морфологическим или синтаксическим должен решаться для каждого конкретного языка в отдельности с учетом его конкретно-исторического состояния. Особое значение разграничение морфологических и синтаксических категорий и установление принадлежности соответствующих категорий к синтоморфологии приобретает при типологической характеристике языка, так как их недифференцированное рассмотрение приводит к игнорированию структурных особенностей различных языков и происходящих типологических изменений в системе одного и того же языка. Примером тому является трактовка рассмотренных выше категорий лица и числа глагола, категории волеизъявления/не-волеизъявления, косвенности/не-косвенности, а также категорий рода, числа и падежа имени прилагательного в современном немецком языке как чисто морфологических категорий. Подобный подход противоречит реальным языковым фактам. Ср., например, систему древневерхненемецкого языка и современного немецкого языка.

Морфологическими категории рода, числа и падежа имени прилагательного будут лишь в том случае, если они принадлежат имени прилагательному как слову и совокупность взаимопротивопоставленных форм выражения грамматических значений на морфологическом уровне составит морфологическую парадигму. Такими указанные категории являются в современном русской языке. Ср.: *бел**ый***, *бел**ое***, *бел**ая***.

В современном русском языке большинство прилагательных грамматически оформлено в своей исходной словарной форме, флексия прилагатель-

ного выражает одно из трех значений рода, значения числа и падежа. Однако эти категории могут быть и синтаксическими, если для их выражения облигаторным является использование синтаксических средств. Так, в современном немецком языке изменение атрибутивного сочетания по родам, числам и падежам образует синтаксическую парадигму указанных категорий. Обоснование этого положения см. [18].

Для современного немецкого языка в отличие от русского нехарактерно оформление прилагательного в словарной форме категориями рода, числа и падежа. Оно получает возможность их выражения только в определенной синтаксической структуре, в атрибутивном сочетании.

В современном английском языке форма прилагательного остается безучастной к роду, числу и падежу существительного. Внешне это выражается в примыкании прилагательного к существительному.

Ср.: *the good boy – the good girl*; *the good boy – the good boys*.

I saw a beautiful girl. The beautiful girl read.

В системе современного русского языка категории рода, числа и падежа прилагательного (так же как и категория лица и числа глагола) являются самостоятельными категориями, и имя прилагательное может употребляться вне атрибутивного сочетания. Например: «Какая история? Известная». В современном немецком языке подобное употребление имени прилагательного невозможно, так как свое оформление оно получает только в атрибутивном сочетании. Ср.: (***eine***) *bekannt**e*** ***Geschichte***, ***die*** *bekannt**e*** ***Geschichte***.

Приведённые примеры демонстрируют тесное взаимодействие единиц морфологического и синтаксического уровней при выражении значений рода, числа и падежа прилагательного в современном немецком языке в период перехода ряда функций от морфологии к синтаксису и подтверждают необходимость выделения синтоморфологии. Значения грамматических категорий рода, числа и падежа имени прилагательного синтаксически обусловлены и выражаются синтаксической структурой, в которую непосредственно включена морфологическая форма имени прилагательного. Ср.:

der *neu**e*** ***Freund***	***die*** *neu**e*** ***Zeitung***	***das*** *neu**e*** ***Fenster***
м. р. *нов**ый*** (друг)	ж. р. *нов**ая*** (газета)	ср. р. *нов**ое*** (окно)

Морфологическая форма «neue» выражает недифференцированно значения мужского, женского и среднего рода, её синкретичное значение конкретизируется в сочетании «артикль + имя существительное», с которыми словоформа образует сложный синтаксический маркер. Аналогично, значения падежа имени прилагательного также выражаются сложным синтаксическим маркером, а сама категория падежа в современном немецком языке принадлежит области синтоморфологии. Ср.:

N. ***der*** *neu**e*** ***Freund***	Им. *нов**ый** друг*
G. ***des*** *neu**en*** ***Freundes***	Род. *нов**ого** друга*
D. ***dem*** *neu**en*** ***Freund***	Дат. *нов**ому** другу*
A. ***den*** *neu**en*** ***Freund***	и т. д.

Не прибегая к понятию синтоморфологии, невозможно объяснить произошедшие и происходящие в системе немецкого языка изменения и определить статус целого ряда морфологических категорий, которые функционируют в системе современного немецкого языка на фоне высокоразвитых синтаксических средств в составе аналогичных синтаксических парадигм и существенно изменили свою значимость по сравнению с древневерхненемецким периодом.

Таким образом, к типологическим особенностям морфологической подсистемы современного немецкого языка можно отнести те явления, которые возникают в период перехода ряда функций от морфологии к синтаксису и показывают ведущую роль синтаксических средств в выражении определенных значений, находивших прежде свое выражение на уровне морфологии. К подобного рода явлениям в первую очередь следует отнести явление синкретизма, а также существование синтоморфологии, системной избыточности и отраженных морфологических категорий. Выявление и объяснение этих новых явлений представляется важным, так как они типологически релевантны и служат показателями аналитических тенденций в системе современного немецкого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch. – Munchen: Lincom Europa, 2002. – 171 p.
2. Hopper P. J. On some principles of grammaticization // Typological studies in language. – 1994. – V. 1. – P. 17–35.
3. Hopper P.J., Traugott E.C. Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 256 p.
4. Bybee J. Mechanism of change in grammaticization: The role of frequency // The Handbook of Historical Linguitics. Oxford: Blackwell, 2003. – P. 602–623.
5. Heine B., Kuteva T. On contact-induced grammaticalization // Studies in language. – 2003. – V. 27(3). – P. 529–572.
6. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
7. Жукова Н.С. Категория вида речи и особенности её выражения в современном немецком языке // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 45–51.
8. Kuiper K., Allan W.S. An Introduction to English Language: Sound, Word and Sentence. – L.: Macmillan Press, 1996. – 341 p.
9. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 80–89.
10. Пронина Т.А. Грамматический статус категории лица и числа в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 25 с.
11. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1986. – 183 с.

12. Жукова Н.С. Языковая избыточность в синхронном и диахронном аспеках (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 35–42.
13. Докулил М. К вопросу о морфологических противопоставлениях (критика теории бинарных корреляций в морфологии чешского языка) // Языкознание в Чехословакии. – М.: Прогресс, 1978. – С. 83–118.
14. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. – М.: Высшая школа, 1987. – 126 с.
15. Жукова Н.С. О статусе императива в системе современного немецкого языка // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 30–36.
16. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. – Л.: Наука, 1983. – 366 с.
17. Арутюнова Н.Д. Морфологические категории и структура слова в испанском языке (существительное и глагол) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. – М.: Наука, 1970. – С. 27–45.
18. Парамонова Н.Г. Морфосинтаксис прилагательного в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 24 с.

УДК 808.2:81'373.612.2:808.861

ОБРАЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале глаголов движения в русских народных говорах)

Л.В. Надеина

Томский политехнический университет
E-mail: nvk@tomsk.mts.ru

На диалектном материале исследуется семантика глаголов, обозначающих поступательное, колебательное и вращательное движение, и выявляются параметры, по которым происходит создание метафорических образов данных типов движения.

В самом широком смысле движение представляет собой «изменение вообще», всякое взаимодействие материальных объектов. Одной из самых многообразных по своему проявлению форм движения является механическое движение. В.Л. Ибрагимова считает, что «все предметы объективного мира способны к механическому движению. Так, например, живые существа совершают это движение самостоятельно, активно; неживые предметы неспособны к активному механическому движению, поскольку движение предметов неживой природы совершается по инициативе и под воздействием живых существ, а также под влиянием различных физических сил природы: будь то сила ветра или сила текущей воды» [1. С. 33].

Простейшая ситуация движения, как известно, сводится к тому, что ее основной участник, то есть перемещающийся или перемещаемый объект, последовательно на протяжении некоторого отрезка времени меняет свое местоположение. Чтобы перемещение осуществлялось, необходимы такие обязательные атрибуты движения, как исходная, конечная точка, способ передвижения, скорость.

Едва ли не самое яркое воплощение идея движения находит в глаголах движения/перемещения, которые составляют в русском языке многочисленную группу. На основе абстрактной категориальной семы «характер движения» лексико-семантическая группа глаголов движения членится на три основных класса: глаголы поступательного движения, колебательного движения и вращательного движения.

В настоящей работе предпринимается попытка исследовать в русских народных говорах семантику глаголов, обозначающих поступательное, колебательное и вращательное движение, и ставится задача выявить параметры, по которым происходит создание метафорических образов данных типов движения. В практическом плане наше исследование опирается на данные словарей говоров Сибири, Среднего Урала, Кузбасса и др. [2–5]. Для анализа из вышеназванных словарей путем сплошной выборки было отобрано 375 глаголов поступательного движения (*дочкаться* (Нижегор.), *дыбать* (Перм.), *натыкаться* (Верш.), *вспасть* (Пск.), *втюхиваться* (Пск.), *втряпаться* (Волог.) и др.), 125 глаголов колебательного движения (*шевелиться* (Верш.), *гомозиться* (Куйбыш.), *дрыгать* (Арх.), *болтаться* (Верш.), *виляться* (Моск.), *взбулындывать* (Ср. Урал.) и др.) и 92 глагола вращательного движения (*вертыхаться* (Новг.), *заботаться* (Ряз.), *плусить* (Яросл.), *кружаться* (Ср. Урал.), *вертеться* (Верш.), *вихорить* (Яросл.), *заюривать* (Брян.) и др.).

Известно, что существует связь между движением и зрительным восприятием: все, что появляется в поле зрительного восприятия, независимо от того, произошло ли это в результате перемещения или начала существования, воспринимается обычно как результат перемещения и описывается в терминах движения. Наиболее свойственное человеку и чаще всего наблюдаемое им в окружающем мире поступательное движение, т. е. направленное движение/перемещение.

Сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях. Целенаправленная деятельность концептуализируется в языке как движение вперед, продвижение к пункту назначения – намеченной цели в социальном, физическом или ментальном пространстве. Основным механизмом построения концептов является метафора, а ядро «материальной» лексики, служащей основой для метафорического переноса, составляют глаголы, в своем основном значении описывающие движение или расположение в пространстве [6. С. 312].

Итак, в социальной сфере – в межличностных отношениях – складывается иерархия социальных ценностей, где во главу угла поставлены культурная модель поведения, отношение к трудовой деятельности. Процесс формирования метафорического смысла идет через взаимопроникновение исходного значения (**ИЗ**) и результативного значения (**РЗ**), при этом интерпретация поведения, поступков, действий носит ярко выраженный оценочный характер. Содержание метафорического смысла для того, кто создает метафору, или для того, кто ее воспринимает, складывается из двух оценочно-дескриптивных позиций. Результативное (переносное) значение представляет собой этическую оценку определенного поступка или качества человека в параметрах общей оценки человека. Например, действие глагола *втрющиться* (Иссык-Кульск.) **РЗ** «*попасть в неловкое положение, быть захваченным на месте проступка*» субъект метафоры воспринимает как плохой, аморальный, неблаговидный поступок. То, что это не соответствует представлению о дозволенном, известно из культурно-исторического опыта, системы общих правил поведения. Но то, что такой поступок действительно является негативным, определенным образом высвечивается в исходном (прямом) значении *втрющиться* **ИЗ** «*попасть, угодить во что-либо грязное, топкое*». В роли оценочного катализатора выступают актуализированные в **ИЗ** семы «запачкавшийся», «нечистый», «грязный». Данными семами вызывается сенсорная оценка неприятных ощущений от соприкосновения с субъектом (объектом), попавшим в лужу, грязь или болото. В социальном пространстве это воспринимается как нанесение вреда (урона) другому человеку, путем нарушения правил поведения. (Подобные примеры: *внизаться* (Пск.), *влюхаться* (Пенз.), *втюшиться* (Пенз.), *втрепаться* (Яросл.) и др.)

Исходя из того, что важнейшим организующим началом является цель, то человек, видя ее впереди, пытаясь достичь ее, совершает прямолинейное поступательное движение. Но «всякое продвижение вперед встречает на своем пути многочисленные помехи: естественные и искусственные барьеры, явные и скрытые препятствия, сталкивается с неожиданностями или непредвиденными обстоятельствами, тормозится внешними или внутренними факторами и сдерживается субъективными или объективными явлениями и пр., – все они воспринимаются как «отклонения от нормы» [7. С. 121]. Путем сравнения характера движения происходит перенос представления о всем том, что мешает достижению цели из физического, естественного мира в социальное пространство. Так, например, семантический признак «движение с трудом», актуализированный в **ИЗ** глагола *дочкаться* (Нижегор.) «*дойти куда-л. с усилием*», определяет способ метафорического переноса. Отклонение от «нормы» (а нормой является прямой, беспрепятственный путь к достижению цели) в виде преодоления возникшей преграды придает оценочный нюанс **РЗ** глагола *дочкаться* «*добиться, достичь чего-л. с трудом*». Препятствие любого порядка, встречающееся на пути, однозначно расценивается как явление отрицательное, поскольку мешает движению и является помехой в достижении цели. Подобный пример: глагол движения *дохрять* (Влад.) с **ИЗ** «*с трудом дойти куда-либо*» (Насилу по снегу-то дохрял до тебя) и с **РЗ** «*с трудом добиться чего-либо, достать что-либо домогательством*»), а также глаголы: *дыбать* (Перм.), *выползти* (Верш.), *ползти* (Верш.), *проползти* (Верш.) и др.

В наблюдаемом материале человек метафорически интерпретируется через его отношение к труду, как одной из главных социальных ценностей. Изнутри культуры дается некий «положительный образ» человека (крестьянина-труженика), активно и целенаправленно справляющегося с жизненными задачами, реализуя это качество в одном из основных видов деятельности – трудовой. Поэтому праздное времяпрепровождение, хождение без цели, ничего не делая, оценивается носителем народного сознания негативно. Так, например, в дескрипции **РЗ** глагола *лазить* (Верш.) «*бродить без цели*» (А братишка по деревне лазит – ходит) актуализируется отрицательная оценка поведения человека, позволяющего себе бесцельно тратить время. Отсутствие цели является препятствием на пути продвижения человека вперед. В данном примере устанавливается метафорическая связь между человеком, движение которого вперед замедляется или вовсе прекращается из-за отсутствия стимулов и цели в жизни, и человеком, стремящимся достичь намеченного, используя при этом все возможности (*лазить* **ИЗ** «*взбираться вверх или спускаться вниз, хватаясь руками или цепляясь ногами*» (Я сама лазила на кедры). Встреча с препятствием в виде «отсутствия цели» порождает негативную оценку поведения человека, ведущего праздный образ жизни, не прилагающего никаких усилий и труда для преодоления возникших преград. (Подобные примеры: *волочиться* (Ворон.), *хлестать* (Амур.), *походить* (Верш.), *погулять* (Верш.) и др.).

По образцу наблюдаемого внешнего, материального мира моделируется языком и ненаблюдаемый внутренний мир человека. Глаголы движения участвуют в описании внутренних состояний человека, т. е. могут метафорически представлять,

например, мыслительный процесс. Глагол с основой вести/водить оказался самым продуктивным в порождении ментальных значений среди глаголов движения. Наблюдения показывают, что корневые морфемы глаголов движения *привести (Верш.)* (**ИЗ** «*доставить куда-либо, ведя*» (Шесть быков и три лошади привел) и *приводить* (Верш.) (**ИЗ** «*доставлять куда-либо, ведя*») в самом общем виде содержат в себе идею приближения чего-либо путем перемещения данного объекта (субъекта) из одного места в другое. Итак, метафора, лежащая в основе **РЗ** глаголов *привести* («*сообщить что-либо в подкрепление своего мнения*» (Вот дак хочу привести пример) и *приводить* («*ссылаться на что-либо в подкрепление своего мнения*») – следующая: факты, служащие доказательством неких умозаключений, интерпретируются «как маршрут некоего мысленного перемещения, конечным пунктом которого является делаемый вывод» [6. С. 317]. В случае с глаголом *выводить* (Свердл.), где в **ИЗ** «*вытянуть, вытащить из воды (о пойманной рыбе)*» (Я со своей дочерью один раз бродил в Серге-реке, вывел щуку килограмм на двадцать) актуализирован семантический признак «движение с трудом» вкупе с префиксом *вы-*, выражающим прекращение локализации внутри чего-либо, способом метафорического переноса является представление о таком положении вещей, когда неизвестное становится известным. Продвигаясь вперед, к намеченной цели, преодолевая разного рода препятствия, которые могут быть как явны, так и ненаблюдаемы, человек собирает факты, находит доказательства, чтобы сделать неизвестное известным (**РЗ** «*сообщить о чем-либо, обнародовать что-либо*» (Решили они с третьей копны носить, а на народ выводить решение не смеют) (Подобные примеры: *дометнуться* (Влад.) **ИЗ** «*дойти до кого-либо*», **РЗ** «*догадаться*»; *вспасть* (Пск.) **ИЗ** «*вскочить (на лошадь)*» (Ах ты, братец мой ясный сокол! Ты встань на добра коня, Догонь ясного моёго сокола (свадеб. песня), **РЗ** «*придти в голову, на ум*»; *взойти* (Карел.) **ИЗ** «*забраться куда-нибудь*» (Он уж любит по ручкам, как кто придет, так он уж обязательно взойдет на ручки-то), **РЗ** «*прийти в себя, в чувство*» (Я и в чувства, верно, взошла, встала и пошла) и др.).

Глаголы колебательного движения, дифференцируясь по абстрактному категориальному признаку «характер движения», образуют группы со значениями «беспорядочного движения» и «мерного, однообразного движения».

Абстрактная категория «характер движения», входящая в значения всех глаголов движения, актуализируется в семантическом признаке «на одном месте или в пределах ограниченного пространства». К этому типу движения способны живые существа, а также предметы, каким-либо образом зафиксированные в пространстве и поэтому несвободные в своем движении. Подобные глаголы называют глаголами «несвободного» или «частичного» движения [1. С. 67].

Ядром подкласса глаголов, обозначающих беспорядочные, нерегулярные движения в разные стороны, является глагол *шевелиться*, который обозначает произвольное движение либо живого существа, либо очень легкого предмета, которые приводятся в движение какими-либо внешними силами.

Например, глагол *шевелиться* (Верш.) с **ИЗ** «*слегка двигаться, приходить в движение под действием чего-то*» (Крючок, он ето, шевелится) содержит в семантике указания на отрицательную интенсивность, которая определяет медленный темп движения: основными семами в **ИЗ** являются семы «несвобода движения», «малоинтенсивность движения» и «наличие субъекта (объекта), под действием которого объект приходит в движение». В **РЗ** «*понемногу, в силу своих возможностей, двигаясь, выполнять какую-либо работу*» (Помаленьку шевелимся, работаем) такой признак, как совершение движений чуть-чуть, немного, слегка выступает основой метафорического переноса. Метафора устанавливает отношения подобия между движением предмета, закрепленного у основания, и, следовательно, несвободного и развитием человеческой жизни, чья социально-поведенческая несвобода связана с определенным состоянием (болезнь, возраст, физическая немощность), и вызывается это движение определенными жизненными обстоятельствами, такими как безвыходность положения, либо крайняя нужда.

Глагол *гомозиться* (Куйбыш.) в **ИЗ** «*беспокойно сидеть, стоять, поворачиваться в разные стороны; вертеться, ерзать*» (А Нинка гомозит чего-то. Сиди, не гомози), сочетаясь только с одушевленными существительными, также называет беспорядочное перемещение из стороны в сторону, в разные стороны на очень ограниченном пространстве. Здесь актуализированы семы «беспокойно», «хлопотливо», «суетливо». Данный глагол с **РЗ** «*заниматься пустяками*» (Ладно уж тебе гомозиться) приобретает значение невозможности достижения результата. Переходя в сферу обозначения поведенческих свойств человека, первоначальные семантические компоненты колебательного движения реализуются в метафорическом значении оценки человека, который ведет себя беспокойно, суетится и, следовательно, не может совершать действия серьезно, основательно, а занимается всем поверхностно без достижения положительного результата.

Колебание одной верхней части вертикального объекта называет глагол *габаться* (Яросл.) с **ИЗ** «*делать неестественные телодвижения, изгибаться*» и с **РЗ** «*рисоваться, кокетничать; ломаться, манерничать*». Свойство механизмов метафоры сопоставлять, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками, обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований. И в этом важную роль играет наиболее характерный для метафоры параметр – ее антропометричность. Последняя выражается в том, что сам выбор того или иного основа-

ния для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте [8. С. 182]. Такие признаки как ненормальное положение тела, противоестественное состояние человека, который совершает подобного рода движения, вынуждая себя находится в такой неудобной позе, актуализированные в **ИЗ**, легли в основу метафорического переноса. Через исходный образ, когда человек неестественным образом изгибается, отклоняясь от физической нормы (целостность предмета), «ломает» свое тело, нарушая тем самым состояние гармонии, комфорта, пытаясь привлечь внимание, связывается с представлением о нарушении человеком правил поведения (морально-нравственный аспект).

Сема беспорядочного движения во все стороны чего-либо, что плохо закреплено, актуализирована в **ИЗ** *колыхаться* (Свердл.) «*шататься (о больном зубе)*» (У нее зуб колыхается, скоро упадет). Колебания теряющих устойчивость вертикальных объектов, закрепленных снизу, дает основу для ассоциирования с таким действием, относящимся к социальной сущности человека, как бесцельное времяпрепровождение. Оценка поведения человека, который позволяет себе тратить время без пользы для себя и других, бесплодно и безрезультатно жить, актуализируется в дескрипции **РЗ** «*слоняться, болтаться без дела*» (Хватит колыхаться весь день тебе! Ну чего ты колыхаешься целый день?) Человек, теряющий «корни» (то, что держит его и является смыслом его существования), утрачивающий прочное положение и устойчивость в жизни, не имеющий цели впереди, склонен болтаться без дела, жить впустую.

Второй подкласс включает глаголы, обозначающие мерное, однообразное движение из стороны в сторону. К такого рода движениям способны как живые существа, так и неодушевленные предметы. В последнем случае это чаще всего предметы, закрепленные в пространстве и приводимые в движение какими-либо внешними по отношению к ним силами – например живыми существами, ветром, взрывной волной и т.п. [1. С. 69].

Например, глагол *дрыгать* (Арх.) с **ИЗ** «*дрожать, трястись, качаться*» (Мужики-ти на крыльцо-то да поднимаются, – Да ступень-от до ступеня не догибаются; По новым сеням идут, – сени не дрыгают). В данном случае исходным признаком является совершение колебательного движения с небольшой амплитудой одновременно всех частей объекта (субъекта). Актуализируемым признаком при метафорическом переносе предстает очень незначительная, но постоянная амплитуда колебания, возникающая при воздействии одного предмета, обладающего большей силой или массой, на другой. Колебательные движения с ничтожно малой амплитудой сразу всех частей тела в **РЗ** «*бояться, трусить*» (Не дрыгай, ничего он нам не сделает) дополняются оценочным смыслом. Исходная понятийная ситуация определенного типа колебательного движения связана метонимически с ситуацией совершения подобного вида действия, состоящего из дрожания тела в силу испытываемого человеком сильного чувства страха. Отношение этих значений осмысляется в метафоре как отношение значений, имеющих общую оценочную основу. При переходе в сферу обозначения психических свойств человека первоначальный семантический компонент (малые колебательные движения) реализуется в метафорическом значении оценки человека, волю которого сковывает страх, в таких параметрах, как трусливый, физически слабый, неуверенно чувствующий себя и, следовательно, неприятный, ненадежный, не располагающий к себе человек.

Как показывают наблюдения, глагол *болтаться* (Верш.) с **ИЗ** «*качаться из стороны в сторону*» (У которой косенка вот така есь – она хвост завяжет, как у жеребенка хвостик болтатся) и с **РЗ** *а*) «*зря проводить время, ходить без дела*» (Дядя мой там работал. Женился. С женой развелся, болтался так без дела), б) «*жить бесцельно, не имея устойчивого положения в жизни*» (Муженек уж умер, навоевался, а я ешшо болтаюсь) в исходной ситуации описывает неритмичное движение из стороны в сторону (или сверху вниз) со значительной, чаще всего непостоянной амплитудой колебания. Семантический признак неоднонаправленного движения, выражающегося конкретизаторами «туда-сюда», «взад-вперед», показывает, что объект, будучи закрепленным сверху и находясь в подвешенном состоянии, имеет почти свободную траекторию движения, актуализирован в **ИЗ** и определяет способ метафорического переноса. Устанавливается отношение подобия между тем как движется объект, находясь в таком положении, и поведением человека, который теряет смысл в жизни, ощущает ненужность, никчемность своего существования, для которого жизнь становится бесцельной, поскольку он лишается «твердой почвы» под ногами.

Класс глаголов вращательного движения, актуализируя абстрактную семантическую категорию «характер движения» в семантическом признаке «вращаясь», занимает особое место по отношению к глаголам поступательного и колебательного движения, что обусловлено характером обозначаемого им вида перемещения. Поскольку в работе рассматривается фрагмент лексики, относящийся к классу глаголов вращательного движения, целесообразно дать определение такому понятию, как вращательное движение. Итак, вслед за В.Л. Ибрагимовой, мы под вращательным движением понимаем такое движение, «при котором все точки вращающегося тела описывают окружности вокруг центра, лежащего на оси вращения. При этом ось вращения может проходить внутри самого тела, но может находиться и вне его» [1. С. 72].

Исходя из определения вращательного движения, можно утверждать, что, если ось вращения на-

ходиться вне тела, то предмет перемещается поступательно по замкнутой кривой. В качестве примера с такой траекторией движения рассмотрим глагол *блудить* (Ср. Урал.) с **ИЗ** «*плутать, идти, не зная дороги*» (Блудил, блудил, еле выбрался). При анализе **ИЗ** данного глагола вычленяются следующие семы: в качестве основной рассматривается «движение по кругу», дополнительных сем несколько – «единство процесса», «непрерывность процесса», «длительность процесса» и «незнание местности». Цель субъекта, двигаясь, приблизиться к желаемому объекту, не достигается в силу ряда объективных причин: незнание субъектом той территории, на которой совершается движение, и неумение выстроить свой путь. В значение нецеленаправленного движения входит оценочный компонент отдаленности как чего-то плохого. (Сравните: то, что близко, достигнуто, рядом всегда оценивается положительно) Человек, лишенный возможности прямо идти к намеченной цели из-за отсутствия у него информации о дороге, отклоняясь то вправо, то влево, либо возвращаясь в исходную точку своего пути (траектория движения по кругу), обречен на выполнение одних и тех же долгих «мучительных» действий, которые им самим не оцениваются положительно. Непрямолинейность в достижении цели выступает основой метафорического переноса. В **РЗ** высвечивается поступок человека, который оценивается окружающими негативно, поскольку субъект (сознательно или непреднамеренно (в силу отсутствия достоверной информации) выбирает определенный способ ведения разговора: не говорит прямо, а таким образом выстраивает направление движения своим мыслям, рассуждениям, что как бы ходит «вокруг да около» истинной сути вопроса. Все это не соответствует представлениям о нормах поведения человека в обществе, где положительной оценки всегда заслуживает тот, кто «не кривит душой», «говорит прямо в глаза». Следовательно, моральные качества человека, поступающего соответствующим образом, оцениваются как отрицательные (**РЗ** «*обманывать, врать*» (Ты, Генка, ково опять матере-то наблудил). (Сходные примеры: *плусить* (Яросл.), *заюривать* (Брян.), *коломесить* (Ряз.) и др.)

Сочетаясь с названиями механизмов, а также их частей, глаголы класса вращательного движения называют движение вокруг оси, находящейся в самом предмете. В качестве примера рассмотрим глагол *бегать* (Арх.) с **ИЗ** «*кружиться, вертеться*» (Камены жернова бегают на округ). Значение «двигаться вокруг оси, которая находится в самом предмете» реализуется в минимальной конструкции с факультативной позицией локальности [1. С. 73]. Любой механизм, состоящий из определенного количества деталей, представляет собой «единый, спаянный организм». Все составляющие данного механизма испытывают явную зависимость от «стержня», как правило, находящегося в центре данного предмета. При работе такого приспособления движение деталей (или всего устройства в целом) будет представлять собой вращение на одном месте. И такой вид движения сближается с колебательным движением в силу закрепленности, спаянности частей с основанием механизма.

Совершение круговых движений практически на одном месте, в силу связанности объекта с «осью вращения», дает основу для ассоциирования с таким действием, относящимся к морально-нравственному аспекту сущности человека, как «привязанность», «зависимость» человека от данной «оси» (т. е. от кого-либо или чего-либо). В **РЗ** глагола *бегать* представлена оценка поведения человека, который вынужден в силу различных обстоятельств быть зависимым от другого человека. Актуализируемым признаком при метафорическом переносе предстает несвобода движения, возникающая при полном подчинении одного объекта другому. При переходе в сферу обозначения любовных (интимных) отношений дополнительный семантический компонент (зависимость от «оси вращения») реализуется в метафорическом значении оценки человека, несвободного в чувствах и действиях, полностью подчиненного воле и желаниям другого человека, в таких параметрах, как безвольный, неуверенный, морально слабый и, следовательно, неприятный, вызывающий жалость и сочувствие, человек (**РЗ** «*ухаживать за кем-нибудь, оказывать кому-нибудь знаки внимания, добиваться чьего-либо расположения*» (Бегала за ним, как бегала охти!) (Похожие примеры: *покрутить* (Верш.) **ИЗ** «*крутить некоторое время*», **РЗ** «*находиться в любовных отношениях некоторое время*»; *крутиться* (Том.) **ИЗ** «*совершать круговые движения, вращаться, вертеться*», **РЗ** «*быть в постоянных хлопотах*; *интенсивно трудиться*» и др.)

Метафоризация, представляя собой процесс такого взаимодействия сущностей и операций, который приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания, сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь «вплетается» и в картину мира, выражаемую языком [8. С. 186]. Как известно, метафоры движения играют важную роль в повседневной жизни. Слияние мира природы и мира человека выражается в том, что объектам (или субъектам) приписываются такие свойства определенного типа движения, которые присущи конкретным явлениям природного мира. Так, глагол *вьюжить* (Тобол.) обозначает **ИЗ** «*бушевать* (*о вьюге*)» (Всю ночь вьюжило, совсем занесло дорогу). Значимой в данном глаголе движения является сема интенсивности, воспроизводящая меру явления. Интенсивность отражается через призму восприятия ее субъектом, соотносится с его представлениями, его видением данного явления, с его оценкой воспринимаемого им объекта. Реально через движение природных объектов описывается движение человека (**РЗ** «*корчиться, вертеться* (*об очень маленьких детях*)» (Всю ноченьку вьюжил).

Уникальной особенностью человеческого мышления является способность усматривать сходство или смежность между элементами физически воспринимаемой действительности в процессе познавательной деятельности людей. Глагол *вихорить* (Яросл.) с **ИЗ** «*кружить ветром*» называет движение предметов из мира неживой природы, совершающееся под влиянием определенной физической силы природы – ветра. (Когда подует из оболока ветерок, листы и всякой начнет вихорить). Глагол *вихорить* сочетается с названиями легких неодушевленных предметов (листья, пыль, снег и т. д.). В **ИЗ** данного глагола происходит нейтрализация признака активности, произвольности, и он обозначает каузированный, непроизвольный полет. При анализе **ИЗ** выделяются семы «спиралевидное вращательное движение» и «интенсивность». В основе метафорического переноса лежит ассоциативная связь между перемещением легких предметов в воздушном пространстве, когда в позиции агентивного субъекта выступает ветер, и разбрасыванием семян во время посадки растений, что характерно для привычной деятельности крестьянина-труженика (**РЗ** «*сеять овес в решете*»).

Подведем некоторые итоги. Класс глаголов поступательного движения оказался самым многочисленным и наиболее дифференцированным по сравнению с классами глаголов колебательного и вращательного движения. И это вполне объяснимо, т. к. движение соответствует реальностям самой отражаемой в языке действительности, когда человеку свойственно наблюдать чаще всего именно пространственное перемещение предметов живой и неживой природы. Говоря о метафорических образах, созданных глаголами поступательного движения, можно констатировать, что глаголы данного класса чаще всего показывают движение вперед и передают возможность достижения цели, путем преодоления различного рода преград. Что касается глаголов вращательного движения, то они, приближаясь по характеру обозначаемого ими перемещения к классу глаголов колебательного движения и контактируя с полем интенсивности через признаки «быстро» и «медленно», представляют бесконечное возвращение к началу пути (к исходной точке) и передают неспособность (а иногда невозможность) достичь цели. В зависимости от того как движется субъект (объект), глаголы колебательного и вращательного типов перемещения актуализируют свои семантические компоненты и, реализуясь в метафорическом значении оценки человека, переводят ее либо в сферу физических или психических свойств человека, либо в ментальную или социальную сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибрагимова В.Л. Семантика русского глагола: Лексика движения / Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября. – Уфа: БашГУ, 1988. – 75 с.
2. Полный словарь Сибирского говора / Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993–1995. – Т. 2. – 302 с.; Т. 3. – 224 с.; Т. 4. – 276 с.
3. Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / Урал. ун-т, Ин-т русской культуры; Под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.
4. Словарь русских говоров Кузбасса / Под ред. Н.В. Жураковской, О.А. Любимовой. – Новосибирск, 1976. – 233 с.
5. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; АН СССР. Ин-т рус. яз., Словарный сектор. – Л.: Наука, 1970. – Вып. 5. – 343 с.; 1972. – Вып. 7. – 355 с.; 1976. – Вып. 11. – 363 с.; 1978. – Вып. 14. – 376 с.
6. Зализняк А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – 520 с.
7. Рябцева Н.К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – 520 с.
8. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.